

— Чжао-гэр! — выкрикнул Ма Вэнь.

Чжао-гэр даже не замедлил шаг. Ма Вэню пришлось прибавить ходу, чтобы поравняться с ним.

— Ты настолько не хочешь меня видеть? — спросил он, заглядывая тому в лицо.

Чжао-гэр не удостоил его ответом. Он молча принялся черпать воду. Внезапно Ма Вэнь крепко схватил его за запястье. Деревянное ведро с грохотом повалилось на землю.

— Чжао-гэр...

— Пусти.

— Чжао-гэр, все эти дни я только о тебе и думал. Вернись...

Чжао-гэр с силой оттолкнул его и резко оборвал:

— Ма Вэнь, между нами больше нет и не может быть ничего общего. Прошу тебя, избавь меня от этих речей.

— Как это — нет общего? Чжао-гэр, я ведь люблю тебя! — Ма Вэнь закрыл лицо ладонями, и его голос, просачиваясь сквозь пальцы, дрожал от боли. — Я любил тебя с самого детства. Столько лет... Разве это можно просто зачеркнуть?

Чжао-гэр тяжело вздохнул и поднял ведро.

— Это твои трудности. Я с самого начала говорил, что ты мне не мил, но ты предпочитал этого не слышать.

В его голосе звучала ледяная решимость. Голос Ма Вэня сорвался, в покрасневших глазах закипели слёзы.

— Столько лет я был к тебе добр, а ты даже взгляда на меня поднять не хочешь. Почему? Чем я плох?

Видя, что собеседник хранит молчание, Ма Вэнь перешёл к мольбам:

— Просто скажи мне, что тебе во мне не нравится? Я всё исправлю, клянусь! Чжао-гэр, я

правда... правда люблю тебя. Пойдём со мной домой, прошу!

— Домой? — Чжао-гэр издал короткий, пустой смешок и спросил, глядя на него ледяным, лишенным тепла взглядом: — Вернуться в семью Ма, чтобы снова батрачить на вас, как ломовая лошадь?

Ма Вэнь замер. В горле у него пересохло, и он не нашёл ни единого слова для оправдания.

— Ты говоришь, что любишь меня. Допустим, я верю, — продолжал Чжао-гэр, решив раз и навсегда расставить все точки над «и». — Но твои чувства не обязывают меня отвечать взаимностью. Ты спрашиваешь, чем ты плох? Напротив, ты во многом хорош: послушный сын, работающий, покладистый. Вот только какое мне дело до твоих достоинств?

Он пристально посмотрел Ма Вэню в глаза.

— Ты ведь прекрасно знаешь, какой была моя жизнь в вашем доме. Видел, как со мной обращались твои родители, дяди и тётки. Скажи мне, когда меня избивали и поливали грязью, ты хоть раз встал на мою защиту? Хоть раз заступился?

— Чжао-гэр...

— Нет, — отрезал тот. Голос его начал дрожать от нахлынувших воспоминаний. — Ты только и знал, что твердить мне: «Терпи».

Ярость и старая обида захлестнули юношу. Одно упоминание о семействе Ма заставляло его терять самообладание.

— Ты заставлял меня терпеть, говорил, что им было нелегко вырастить тебя. Но при чём здесь я? Это перед тобой у них есть долг воспитания, но не передо мной. Ваша семья купила меня, как вещь. Вы использовали меня, как раба, и у меня не было иного выбора, кроме как сносить обиды. У вас было право помыкать мною, но у меня осталось право ненавидеть вас. И если бы я мог...

Его голос стал глухим, а выражение лица — пугающе серьёзным.

— Я бы с превеликим удовольствием перебил всю вашу семейку. Видишь, как сильно я вас ненавижу? И ты после этого всерьёз думаешь, что я к тебе вернусь?

Ма Вэнь стоял как громом поражённый. Он и представить не мог, что в душе Чжао-гэра копилась такая бездонная, чёрная злоба. Спустя долгую минуту тишины он едва слышно спросил:

— И меня ты тоже... ненавидишь?

Чжао-гэр ответил без малейшего колебания:

— Ненавижу.

— За что? За то, что я не помогал? — Ма Вэнь до боли сжал кулаки, пытаясь совладать с собой.

— У родителей остался только я один, и они вырастили меня с таким трудом, как я мог их не слушать? Неужели ты думаешь, что моё сердце не обливалось кровью, когда они тебя били?

Чжао-гэр...

Его голос перешёл в жалобный плач:

— Если ты их так ненавидишь, я готов разделить с ними! Мы будем жить отдельно, только вдвоём. Умоляю тебя, вернись ко мне. Я на коленях готов просить!

Чжао-гэр промолчал. Он слишком хорошо понимал, что на уме у Ма Вэня.

В тот год, когда Ма Дачжуан со Старшей госпожой Ма купили его, они подвели его к своему младшему сыну, слабоумному Ма Тао.

«Это твой будущий муж, — сказали они. — Будешь служить ему верой и правдой, иначе забьём до смерти»

Дурачок Ма Тао был всего на пару лет старше его. Из-за вечного потакания родителей он рос капризным и грузным ребёнком. Пока старшие работали в поле, юноша должен был присматривать за ним и тащить на себе всё хозяйство. Ма Тао отличался скверным нравом: стоило чему-то пойти не по его желанию, он принимался пинать и бить его, совершенно не зная меры в своей силе.

Ма Вэнь в такие моменты обычно сидел в стороне и молча наблюдал. И только если побои становились совсем невыносимыми, он мог вяло бросить:

«Не играй так грубо»

В его глазах это была всего лишь игра.

Позже, когда родители ушли на пашню, малец Ма Тао закатил истерику, требуя взять его с собой. Старшей госпоже Ма пришлось уступить. В поле она велела Чжао-гэру косить траву, а сама повела сына к реке собирать дикий сельдерей. Стоило ей на миг отвернуться, как ребёнок свалился в воду. Его тело нашли ниже по течению — Ма Тао утонул.

В тот день Ма Дачжуан и его жена словно обезумели. Они избивали юношу смертным боем, вымещая на нём всё своё горе, крича, что это он виноват, раз не углядел за их сокровищем.

Но разве он был виноват?

Чжао-гэр видел, что и Ма Вэнь в глубине души винил его в смерти брата. Позже он клялся в любви, но продолжал безучастно смотреть на то, как юношу истязают. Тот считал, что гнев родителей справедлив — они мстили за погибшего сына. Мешать им означало не только расстроить отца и мать, но и предать память брата.

Молодой человек жалел его, но его жалось была бесплодной. Однажды он даже сказал:

«Потерпи... Считай, что ты искупаешь свою вину»

Юноше тогда эти слова показались верхом безумия. Искупать вину? Какую ещё вину? За что?

Ма Вэнь, быть может, и не поднимал на него руку лично, но одного того, что он был сыном Ма Дачжуана, было достаточно для ненависти. Чжао-гэр не претендовал на роль святого и не собирался прощать детей за грехи отцов. Тем более что тот годами безвольно взирал на его мучения. Разве может такой человек быть по-настоящему добрым?

Его любовь, возможно, и была искренней, но в ней всегда сквозила тень старой обиды.

Послышались шаги — кто-то приближался к берегу. Юноша не хотел продолжать этот пустой разговор. Подхватив ведро с водой, он двинулся прочь.

Ма Вэнь окликнул его и уже собирался броситься вдогонку, но тут навстречу ему выбежал Чжоу-гэр.

<http://bllate.org/book/15357/1423370>